

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2017), 518–523
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2017), 518–523
© Автор(ы) 2017

Рецензия на сборник: Клейн Л.С. Первый век: сокровища сарматских курганов. – СПб: Евразия, 2016. – 224 с., цв. илл.

Каждой книге – свое время. В этом смысле появление книги «Первый век: сокровища сарматских курганов» Л.С. Клейна¹, видимо, неслучайно. Сравнительно недавно перед этим вышла из печати книга И.П. Засецкой «Сокровища кургана Хохлач»², которая является первой подробной научной публикацией этого знакового для сарматской археологии комплекса. Садовый курган, раскопанный Л.С. Клейном при весьма специфических и даже трагических обстоятельствах и содержащий высокохудожественные предметы античного искусства, несомненно, заслуживает подобного издания. Но предметы из раскопок хранятся не в «главном музее страны» – Государственном Эрмитаже, а в провинциальном Ростовском краеведческом музее с ограниченными финансовыми возможностями. Поэтому подготовка публикации Садового кургана на достойном уровне, с проведением химических и металлографических анализов, подробной графической и фото-документацией пока трудно реализуема, о чем автор с болью пишет на последних страницах книги³. Возможно, этим обстоятельством обусловлено и отсутствие авторского введения, где были бы сформулированы цели и задачи данной работы, и выбранный автором научно-популярный жанр изложения. Впрочем, как может понять внимательный читатель, не очень-то он «научно-популярный». Цели же и задачи автора имплицитно отражены в названии, структуре и содержании текста.

В самом делении книги на две сравнительно равноценные части «1. Лось и Купидон: загадки Новочеркасского клада» и «2. Терзание Таранда: страсти и коллизии Садового кургана» заложена идея сопоставления двух археологических комплексов, дополняющих друг друга, что увеличивает их ценность для науки. В археологической литературе эти два донских кургана с собственными именами давно уже фигурируют вместе. Их судьбы, изложенные Л.С. Клейном, во многом перекликаются. Они иллюстрируют, как особенности археологизации памятника, уровень профессиональной подготовки полевого археолога, конкретные социально-политические обстоятельства, а также морально-этические качества отдельных людей, вовлеченных в процесс обнаружения, консервации и хранения находок определяют возможности дальнейшего изучения и интерпретации археологического материала. Отсутствие полной информации об археологическом контексте сказывается на степени надежности и частных выводов, и исторических обобщений, поскольку в приводящих к ним логических цепочках приходится использовать большое число допущений.

На материале курганов Садовый и Хохлач Л.С. Клейн показывает, как некоторые казавшиеся когда-то вполне доказанными положения со временем подверглись сомнению в результате расширения источниковой базы и появления новых подходов и принципов исследования. Многие истории, рассказанные автором, могут быть продолжены и дополнены. Так, один из сюжетов, связанных с

¹ Kleyn 2016.

² Zasetskaya 2011.

³ Kleyn 2016, 203–204.

курганом Хохлач, посвящен «загадочным горлам от серебряных сосудов, заткнутым деревянными пробками», которые были найдены там же, где «одежды с бляшками»⁴. Спустя сто лет со времени находки, К.М. Скалон определила их как серебряные ножки стула или кресла, сопоставив со складным стулом из погребального комплекса гуннского времени у с. Концешты, Молдавия⁵. Эта информация послужила важным дополнением к характеристике социального положения женщины, предположительно погребенной в кургане Хохлач. Из сочетания в одном погребальном комплексе парадного трона и золотой диадемы последовал вывод о вероятном обожевлении «царицы» из Хохлача, посмертном или прижизненном. Изображение этой «дамы в кресле» с многочисленными параллелями в памятниках искусства Боспорского царства, Прикубанья и Алтая⁶ опубликовано во многих научных и научно-популярных изданиях. Однако мне представляется, что наличие в комплексе кургана Хохлач трона – это не факт, зафиксированный в ходе археологических раскопок, а лишь допущение, основанное, в том числе, на представлении об особом историческом значении данного памятника. Совершенно верно определенные как относящиеся к мебели, ножки из Хохлача вполне могли быть остатками ложа, а не стула. Некоторые составные части лежанок и стульев схожи по своей конструкции⁷. Известны случаи, когда находки частей лежанок вначале ошибочно собирались в виде стула, а настоящий облик этих предметов восстанавливали лишь в результате новых исследований⁸. Бронзовые детали клине обнаружены в III гробнице Артюховского кургана⁹. В близком Хохлачу по социальному статусу женском погребении Ногайчинского кургана по углам деревянного саркофага обнаружены деревянные столбики, обернутые серебряным листом¹⁰, которые, возможно, являлись имитациями ножек ложа. Гроб при этом был накрыт покровом с золотыми бляшками, что зафиксировано во время раскопок. Так что совместная находка «серебряных ножек» с нашивными бляшками необязательно означает наличие в погребении парадного кресла. Вариантов интерпретации функционального назначения некоторых предметов из кургана Хохлач в отсутствие документированного погребального контекста и в силу неполной сохранности может быть гораздо больше (например, отмеченный Л.С. Клейном казус с металлическими частями вееров, определенными изначально как «коробочки»¹¹), и каждый из них имеет право на существование.

Множественность интерпретаций допускают не только частные выводы исследователей о назначении предметов, смысле изображенных сюжетов и мотивов, но и общие реконструкции культурно-исторических процессов. Л.С. Клейн последовательно разбирает возможные варианты путей трансфера римских импортов в степи Восточной Европы: как товар, военная добыча, дипломатические дары¹². Оценивая «за» и «против» для каждого варианта, он отдает предпочтение последнему. Далее автор ставит вопрос: кого и зачем нужно было подарить на Дону и Кубани в I–II вв. н.э.? И отвечает на него согласно сложившейся в отечественной научной литературе традиции интерпретировать особенности погребений элиты I в. н.э. как отражение этнических процессов. В соответствии с этой концепцией римские и провинциально-римские импорты распространились в степях Восточной Европы с появлением нового кочевого этноса, который был недружественен Риму. Причем контакты этого этноса с римской властью были прямыми, поскольку «на Боспоре и других понтийских городах, которые играли роль посредников в торговле с варварами, не найдено дорогой серебряной и бронзовой посуды»¹³, что представляется довольно слабой аргументацией. Мнения о том, какому именно «племени-гегемону» принадлежали эти памятники – аорсам или аланам, расходятся¹⁴. Л.С. Клейн считает эти памятники принадлежащими аорсам и предлагает обозначить феномен появле-

⁴ Kleyn 2016, 43–44.

⁵ Skalon 1966; Kazanskiy 2014, 308.

⁶ Kleyn 2016, 49–54, рис. 37.

⁷ Faust 1989, Taf. 14; Andrianou 2006; Khachatryan 2009, табл. III.

⁸ Martins, Schwahn 2014.

⁹ Maksimova 1979, 93–98.

¹⁰ Zaytsev, Mordvintseva 2003, 65–66, рис. 3.

¹¹ Kleyn 2016, 65.

¹² Klein 2016, 175–182.

¹³ Raev 1986, 63.

¹⁴ Kleyn 1976; Raev 1986; Skripkin 1990, 206–209; 1997, 23–24; Maksimenko 1998; Simonenko 2008, 11, 50; Marčenko, Limberis 2008, 324–326.

ния группы богатых курганов с римскими импортами в рамках сарматской культуры как отдельную «садовскую культуру»¹⁵.

Но данные рассуждения не учитывают контекст (погребальный) находки этих предметов. Хорошо известно, что за пределами Римской империи произведенных в ней бронзовых сосудов обнаружено больше, чем внутри метрополии. Это обусловлено тем, что в погребальных обычаях римлян не было принято класть такие предметы в могилы. Могила – это не подвал дома, погибшего при извержении Везувия. В то же время большое значение имеет то, что в наборе погребальных приношений не может быть случайно попавших туда предметов. Любое захоронение, особенно представителя социальной элиты, было общественным шоу, частью процесса легитимации прав наследника, поводом для подкрепления им системы сетевых связей с союзниками и вассалами через общее застолье (погребальный пир), раздачу и прием даров. Отчуждение сокровищ и редкостей в могилу было демонстративным актом, подтверждающим могущество и богатство самого преемника. Не случайно появление особенно богатых погребений (нем. Prunkgrab, англ. ostentatious burial) связывают с процессом централизации элит и связанной с этим междоусобной борьбой, в том числе за ресурсы и источники обогащения. Централизация власти происходила особенно интенсивно в тех обществах, где существовали контакты с культурами, более выдающимися в техническом и организационном отношении¹⁶. Из таких «высоких» культур исходили не только экономические и социальные импульсы, но перенимались и новые военные стратегии, что приводило к усилению варварских центров сосредоточения власти¹⁷. И Хохлач, и Садовый, и вся «система курганов» в низовьях Дона, связи между которыми исследовал Л.С. Клейн, безусловно, относятся к числу таких Prunkgräber. Это значит, что в I – начале II в. н.э. в этом регионе происходил процесс централизации элит, и их борьба за власть выразилась, в частности, в прокламации их претензий на наследование социального статуса во время погребальных церемоний, что повлекло за собой появление целого ряда очень схожих погребальных комплексов. Произошло так, видимо, потому, что Северное Причерноморье оказалось в это время регионом, расположенным на стыке интересов «мировых империй» – Рима и Парфии, борьбу которых ярко описывает Л.С. Клейн¹⁸. «Яблоком раздора» этих двух держав было лежавшее на границе между ними Закавказье, к которому с севера примыкали территории, населенные теми самыми «варварскими» племенами, в могилах вождей которых обнаружены римские импорты. Но не только римские. Предметы звериного стиля, которым посвящены многие страницы книги, находят в тех же курганах. Правда, Л.С. Клейн называет их, в отличие от римской посуды, «своими, если не местного изготовления, то местного спроса»¹⁹. Но те из них, которые были, видимо, изготовлены в Парфии и Бактрии²⁰, так же, как и римские импорты, были, скорее всего, дипломатическими подарками парфянских владык представителям сарматской элиты. Только в этом смысле можно интерпретировать, например, меч в парадных ножнах из кургана Дачи, форма которого соответствует парадному мечу, изображенному на рельефе Нимруд-Дага, изображающего инвестиру парфянского царя²¹, и аналогичного кинжалу из царского погребения в Тилля-тепе²². Видимо, «сарматские цари» принимали дипломатические подарки от обеих заинтересованных сторон. Возможно, они именовали себя при этом аланами или аорсами, или их называли так внешние по отношению к ним источники. Важно то, что сходство богатых донских курганов объясняется, скорее всего, политическими причинами, что принципиально не противоречит концепции миграции кочевников из глубин Азии в степи Восточной Европы. Как вариант, Л.С. Клейн предлагает, со ссылкой на М.Б. Шукина, трактовать аланов как верхний социальный слой сарматского этноса²³.

¹⁵ Kleyn 2016, 197.

¹⁶ Kossack 1998, 31–32.

¹⁷ Egg 2009, 48.

¹⁸ Kleyn 2016, 57–60, рис. 38.

¹⁹ Kleyn 2016, 178.

²⁰ Mordvintseva 2010; 2015.

²¹ Ghirshman 1962, 66–67, pl. 79, pl. 80; Brentjes 1993, Abb. 39, Abb. 41.

²² Sarianidi 1989, 144.

²³ Kleyn 2016, 184; Shchukin 2005, 356–359; 2006, 174.

Из приведенных примеров становится очевидным, что большой шанс на успешную проверку временем имеют выводы, сделанные независимо друг от друга несколькими учеными, исследующими не единичные предметы, но репрезентативные выборки контекстных находок. Это обусловлено особенностями получения исторической информации из вещественных источников. Перефразируя Л.С. Клейна, заключения археолога (в отличие от историка) – это мысли, тексты, созданные на основе осмысления предметов и явлений материальной культуры в увязке со сторонней, в самих этих предметах и явлениях не содержащейся информацией²⁴. При изучении одного предмета количество привлекаемой «сторонней информации» значительно выше, выбор ее субъективен, и практически полностью зависит от личности исследователя (принадлежность к определенной образовательной, культурной, этнической, социальной, политической и др. группе). При изучении группы предметов и явлений «увязка со сторонней информацией» происходит после применения к исходному материалу общенаучных сравнительных методов²⁵, в том числе системного анализа. Результат системного изучения репрезентативной выборки сам по себе уже является научным фактом, на этом этапе субъективный фактор в исследовании археологического материала минимизируется. Призрак же «сторонней информации» появляется теперь на этапе культурно-исторической интерпретации этого результата. Чем системнее анализ материальной базы исследования, тем объективнее и набор фактов. Но привлечение «сторонней информации» на последнем этапе исследования неизбежно. В этом смысле история, написание которой происходит на археологическом материале (а, может, и не только на археологическом), напоминает сад расходящихся тропок Х. Борхеса, где перед героем встает проблема выбора одной из них. Л.С. Клейн в своей книге признает вероятность одновременного существования всех тропок и оставляет за читателем право выбора пути, что выгодно отличает данный труд от работ большинства представителей советской археологической школы.

ЛИТЕРАТУРА

- Засецкая, И.П. 2011: *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. СПб.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2003: «Ногайчинский» курган в степном Крыму. *ВДИ* 3, 61–99.
- Казанский, М.М. 2014: Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция. *Stratum plus* 4, 299–336.
- Клейн, Л.С. 1976: Сарматский тарандр и проблема происхождения сарматов. В сб.: *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. М., 228–234.
- Клейн, Л.С. 2016: *Первый век: сокровища сарматских курганов*. СПб.
- Ковальченко, И.Д. 2003: *Методы исторического исследования*. М.
- Максименко, В.Е. 1998: *Сарматы на Дону. Археология и проблемы этнической истории*. Азов.
- Макимова, М.И. 1979: *Артюховский курган*. Л.
- Сарианиди, В.И. 1989: Храм и некрополь Тилля-тепе. М.
- Скалон, К.М. 1966: Складной стул из погребения в с. Концешты в Молдавии. *Сообщения Государственного Эрмитажа* 27, 55–58.
- Скрипкин, А.С. 1990: *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект*. Саратов.
- Скрипкин, А.С. 1997: *Этюды по истории и культуре сарматов*. Волгоград.
- Щукин, М.Б. 2005: *Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура*. СПб.
- Щукин, М.Б. 2006: Зубовско-Воздвиженская группа, царь Фарзой и Тур Хейердал. В сб.: *Liber archaeologicae. Сборник статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева*. Краснодар–Ростов-на-Дону, 173–181.
- Andrianou, D. 2006: Chairs, beds, and tables. Evidence for furnished interiors in Hellenistic Greece. *Hesperia* 75, 219–266.
- Brentjes, B. 1993: Waffen der Steppenvölker. I. Dolch und Schwert im Steppenraum vom 2. Jahrtausend v. Chr. bis in die alttürkische Zeit. *Archäologischen Mitteilungen aus Iran* 26, 5–46.

²⁴ Kleyn 2016, 184.

²⁵ Koval'chenko 2003, 154 сл.

- Egg, M. 2009: Sozialarchäologische Betrachtungen zu den Hallstattzeitlichen Fürstengräbern von Kleinklein (Bez. Leibnitz, Weststeiermark). Eine Zwischenbilanz. In: M. Egg, D. Quast (hrsg.), *Aufstieg und Untergang. Zwischenbilanz des Forschungsschwerpunktes „Studien zu Genese und Struktur von Eliten in von- und frühgeschichtlichen Gesellschaften“* (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 82). Mainz, 31–58.
- Faust, S. 1989: *Figürlicher und ornamentaler Schmuck an antiken Betten*. Mainz.
- Ghirshman, R. 1962: *Iran. Parthians and Sassanians*. London.
- Khachatryan, Zh. 2009: *The Tomb of Sisian (second half of the 1st century)*. Yerevan.
- Kossack, G. 1998: Ostentatious graves. Remarks about their nature and interpretative value. In: *Georg Kosack. Selected Studies in Archaeology*. Rahden/Westf., 13–38.
- Marčenko, I., Limberis, N. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: H. Parzinger (Hrsg.): *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 265–626.
- Martins, S., Schwahn, B. 2014: Das Bisellium, das eine Kline war – Rekonstruktion, Restaurierung und technologische Untersuchung römischer Klingenfragmente. *Restaurierung und Archäologie* 7, 27–51.
- Mordvintseva, V.I. 2010: Tillya-tepe gold jewellery and its relation to the Sarmatian Animal Style of the Northern Black Sea area. *Anabasis* 1, 175–207.
- Mordvintseva, V.I. 2015: Decorated Swords as Emblems of Power on the Steppes of the Northern Black Sea Region (3rd c. BC – mid–3rd c. AD). *Anabasis* 6, 174–216.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern.ser. 278). Oxford.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: H. Parzinger (Hrsg.): *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 1–264.

REFERENCES

- Andrianou, D. 2006: Chairs, beds, and tables. Evidence for furnished interiors in Hellenistic Greece. *Hesperia* 75, 219–266.
- Brentjes, B. 1993: Waffen der Steppenvölker. I. Dolch und Schwert im Steppenraum vom 2. Jahrtausend v. Chr. bis in die alttürkische Zeit. *Archäologischen Mitteilungen aus Iran* 26, 5–46.
- Egg, M. 2009: Sozialarchäologische Betrachtungen zu den Hallstattzeitlichen Fürstengräbern von Kleinklein (Bez. Leibnitz, Weststeiermark). Eine Zwischenbilanz. In: M. Egg, D. Quast (hrsg.), *Aufstieg und Untergang. Zwischenbilanz des Forschungsschwerpunktes „Studien zu Genese und Struktur von Eliten in von- und frühgeschichtlichen Gesellschaften“* (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 82). Mainz, 31–58.
- Faust, S. 1989: *Figürlicher und ornamentaler Schmuck an antiken Betten*. Mainz.
- Ghirshman, R. 1962: *Iran. Parthians and Sassanians*. London.
- Kazanskiy, M.M. 2014: Pogrebenie epokhi pereseleniya narodov v Kontseshtakh: inventar', datirovka, pogrebal'nye obryad, social'ny status i etnokul'turnaya atributsia [A Burial of the Migration Period in Concești: Inventory, Dating, Funeral Rites, Social Status and Ethno-Cultural Attribution]. *Stratum plus* 4, 299–336.
- Khachatryan, Zh. 2009: *The Tomb of Sisian (second half of the 1st century)*. Yerevan.
- Kleyn, L.S. 1976: Sarmatskiy tarandr i problema proiskhozhdenia sarmatov [Sarmatian tarandr and the problem of origin of the Sarmatians]. In: *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii*. Moscow, 228–234.
- Kleyn, L.S. 2016: *Pervyy vek: Sokrovishcha sarmatskikh kurganov [The First Century: Treasures of the Sarmatian Barrows]*. Saint-Petersburg.
- Kossack, G. 1998: Ostentatious graves. Remarks about their nature and interpretative value. In: *Georg Kosack. Selected Studies in Archaeology*. Rahden/Westf., 13–38.
- Kovalchenko, I.D. 2003: *Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of Historical Research]*. Moscow.
- Maksimenko, V.E. 1998: *Sarmaty na Donu. Arkheologiya i problemy etnicheskoy istorii [Sarmatians on the Don. Archaeology and Problems of Ethnic History]*. Azov.

- Maksimova, M.I. 1979: *Artyukhovskiy kurgan [Artyukhov Barrow]*. Leningrad.
- Marčenko, I., Limberis, N. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: H. Parzinger (hrsg.): *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 265–626.
- Martins, S., Schwahn, B. 2014: Das Bisellium, das eine Kline war – Rekonstruktion, Restaurierung und technologische Untersuchung römischer Klinenfragmente. *Restaurierung und Archäologie* 7, 27–51.
- Mordvintseva, V.I. 2010: Tillya-tepe gold jewellery and its relation to the Sarmatian Animal Style of the Northern Black Sea area. *Anabasis* 1, 175–207.
- Mordvintseva, V.I. 2015: Decorated Swords as Emblems of Power on the Steppes of the Northern Black Sea Region (3rd c. BC – mid-3rd c. AD). *Anabasis* 6, 174–216.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern.ser. 278). Oxford.
- Sarianidi, V.I. 1989: *Khram i nekropol' Tillya-tepe [The Temple and Necropolis of Tillya-tepe]*. Moscow.
- Shchukin, M.B. 2005: *Gotskiy put'. Goty, Rim i Chernyakhovskaya kul'tura [The Gothic way. The Goths, Rome, and Chernyakhov Culture]*. Saint-Petersburg.
- Shchukin, M.B. 2006: [Zubov-Vozdvizhenskaya group, king Farzoy and Thor Heyerdahl]. In: *Liber archaeologicae. Sbornik statey, posvyashchenny 60-letiyu B.A. Raeva [Liber Archaeologicae. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of B.A. Raev]*. Krasnodar –Rostov-on-Don, 173–181.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: H. Parzinger (Hrsg.), *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 1–264.
- Skalon, K.M. 1966: [A folding chair from the burial near village of Concești in Moldova]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Reports of the State Hermitage]* 27, 55–58.
- Skripkin, A.S. 1990: *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt [Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect]*. Saratov.
- Skripkin, A.S. 1997: *Etyudy po istorii i kul'ture sarmatov [Essays on the history and culture of Sarmatians]*. Volgograd.
- Zasetskaya, I.P. 2011: *Sokrovishcha kurgana Khokhlach, Novocherkasskiy klad [Treasures of Khokhlach Barrow. Novocherkassk Hoard]*. Saint-Petersburg.
- Zaytsev, Yu., Mordvintseva, V. 2003: [“Nogaychik Barrow” in the Steppe Crimea]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 61–99.

Мордвинцева Валентина Ивановна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института археологии Крыма РАН,
v_mordvintseva@mail.ru

Valentina I. Mordvintseva,
PhD, Senior research
Crimean Institute of Archaeology RAS
v_mordvintseva@mail.ru